

УДК 001**«Русская цивилизация» в контексте цивилизационного подхода:
уникальность и отличия в общемировой истории****Блинов Владимир Владимирович**

Кандидат политических наук,
доцент кафедры политологии,
Финансовый университет при Правительстве РФ,
125993, Российская Федерация, Москва, Ленинградский проспект, 49;
e-mail: vvblinov@fa.ru

Аннотация

Цивилизационный подход предлагает восприятие общемировой истории не как линейной направленности, где все народы проходят через общие стадии развития, а делает упор на неповторимых чертах отдельных цивилизаций, подчас отрицая общемировой ход истории и прогресс как таковой. Различные исследователи выделяют группы цивилизаций, построенные на основании языковой, исторической, религиозной, культурной близости разных народов. В этом отношении особый интерес представляет ответ на вопрос, уместно ли говорить о русской цивилизации, имеющей значимые отличия от иных славянских и православных народов. В настоящей работе рассматриваются взгляды отдельных представителей цивилизационного подхода, указывающих на уникальные черты русской цивилизации, с их синтезом. В заключении показано, что язык оказывается началом культуры народов, и в отношении славянских этносов уместно говорить о неких сродных качествах. Общность качеств славянских народов вторична перед религиозными, политическими и историческими обстоятельствами, выработавшими у них отличительные пристрастия в отношении политических институтов и нравственных ориентиров.

Для цитирования в научных исследованиях

Блинов В.В. «Русская цивилизация» в контексте цивилизационного подхода: уникальность и отличия в общемировой истории // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2024. Том 13. № 12А. С. 60-70.

Ключевые слова

Государственность, национальная самобытность, цивилизационный подход.

Введение

Вопросы о месте России в Европе, оказавшиеся в центре общественной жизни России с периода преобразований Петра Великого, способствовали обоснованию идей о возможности развития стран и народов по самобытному сценарию. Первоначально подобные взгляды развивались славянофилами в споре с западниками, причем большое число отечественных религиозных философов переводили духовные аргументы на язык светской полемики. Так был заложен фундамент развития славянофильской мысли. Представители данного течения говорили о том, что русская история имеет свой уникальный смысл. Рассмотрим их взгляды и выводы об особом месте и роли России в мире и на Западе в том числе.

Материалы и методы исследования

В России развитие русской цивилизационной мысли проходило в несколько этапов. Во время правления императрицы Екатерины II для всех общих мест оказалась характеристика императрицей России как части Европы. В последующем в XIX веке начала развиваться мысль о национальной самобытности России. В этот период формулируется теория официальной народности, развиваются идеи славянофилов, утверждавших об особом пути России и славянства. Одной из пощечин общественному мнению оказывается публикация Петром Чаадаевым «философического письма», в котором до логического предела доводится мысль о западном пути как единственно верном, где Россия оказывается лишена цивилизующего начала католического вероисповедания. Подобный вывод во многом формируется на основании взглядов вдохновившего Чаадаева Жозефа де Местра, считавшего католичество истинным началом, одухотворяющим жизнь общества. Подобное обстоятельство оказывается явным примером тому, что перенесение европейской традиции на российскую почву приводит к парадоксальным выводам, наводящим на предположения о сумасшествии автора.

Особый интерес представляют собой также взгляды Алексея Хомякова. Он указал на ушедшие благодатные черты общества первых Романовых, где Царь, дворяне и помещные соборы сообща решали насущные государственные вопросы. Согласно Хомякову, петровская эпоха смела единство самодержавия и народа, заменив ее абсолютизмом. Со времен Петра Великого власть оторвалась от народных корней и насаждает чуждые для культуры начала. По мнению Хомякова, каждый народ реализует в истории Богом данную идею, что определяет его самобытный облик.

Утверждению мысли о чуждости России и Европы способствовала Крымская война. По надуманному предлогу европейские государства поддержали Турцию, высадились в Крыму и осадили Севастополь. Данное событие явилось вопиющим примером извечной враждебности России и Европы, чему посвящает свой труд Николай Яковлевич Данилевский. Его работа вызвала бурную критику как среди западников, так и среди почвенников, указывавших на ряд спорных положений. Работа Данилевского «Россия и Европа» стала первым развернутым трудом, обосновывающим идею о существовании отличных культурно-исторических типов, которые развиваются подобно растениям, имея свой путь и отличительные уникальные черты. В основе культурно-исторических типов лежат общекультурные характеристики, объединяющие носителей родственных языков. Россию Данилевский относит к славянскому типу и указывает на коренные отличия между ним и господствующим в Европе романо-германским. По мнению Данилевского, для европейской истории характерно доминирование

первоначально греческого типа, затем римского, а впоследствии романо-германского. Разбирая обстоятельства европейской истории, Данилевский показывает, что культурно-исторический тип не может быть перенят одним народом от другого. Этот факт он раскрывает на примере взаимоотношения Греции и Рима: один тип сформировал вызов другому, но не привел к заимствованию римлянами чувства прекрасного греков, и римское общество оказалось примечательно своими государственными, военными и правовыми достижениями, а не искусством и науками (Данилевский, 2008).

Одним из важнейших принципов, позволяющих культурно-историческому типу существовать, оказывается независимость от чужеземного владычества. Культурно-исторические типы в своем развитии проходят стадии долгого этнографического формирования и затем государственного расцвета. Славянский культурно-исторический тип еще находится в стадии созревания и пока не явил миру свои черты. Следуя логике Данилевского, получается, что основой для мировоззренческого своеобразия и представления о добре и зле, отличающих разные культурно исторические типы, оказывается язык. Он достаточно много внимания в своей работе уделяет рассмотрению того обстоятельства, какие науки и искусства получают распространение у разных народов. Описывая будущее государственное единство славян, Данилевский рисует картину, которая впоследствии будет критиковаться в том числе представителями почвеннических кругов. Он говорит о будущей федерации славянских народов со столицей в Константинополе как блистательном прообразе. Одним из достижений романо-германского культурно-исторического типа оказывается развитие естественных наук, что объясняет его влияние в мире. Данилевский много внимания уделяет противопоставлению России и Европы, говорит о ненасильственности включения в состав России многих народов, что коренным образом отличается от характерных для европейцев способов угнетения колоний.

Данилевский был первым, кто начал разрабатывать цивилизационную теорию, и его подход значимо отличается от традиционно европейских представлений о цивилизации как высоко развитом обществе, отличающемся от варварского. Также его подход был противоположным материалистическому пониманию истории, разрабатываемому Марксом и Энгельсом, где развитие орудий труда и средств производства оказывается главной движущей силой, определяющий облик государственных институтов, морали и культуры. В последующем подход Данилевского будет критиковаться Константином Леонтьевым, обратившим внимание не на языковую и культурную родственность славян как определяющую мировоззрение русского народа, а на религиозные качества, воспринятые от Византии, которые определили слабые аристократические и даже семейные начала, но особенно сильное почитание государства.

Константин Леонтьев образцом государственности для России считал Византию. В труде «Византизм и славянство» Константин Леонтьев продолжает идею развития биологических этапов в ходе «триединого процесса»: первоначальной простоты, цветущего объединения и сложности, и вторичного смесительного упрощения, свойственного точно так же, как и всему существующему. Первый этап предполагает начало жизни культуры – она только родилась и делает первые шаги, словно ребенок. На втором этапе культура становится сложной, ее внутреннее содержание раскрывается разносторонне и оригинально, увеличивается богатство людских потребностей, вследствие чего развивается форма, с противоречивой культурой. Данный этап есть некая интерпретация юности человека. Завершающая фраза представляет собой прощение с «высшим», когда конкретное и четкое содержание исчезает – с точки зрения человеческой жизни этот этап трактуется как этап зрелости. При этом, необходимыми

элементами у каждой из цивилизаций являлись государственная форма (выясняется при начале их цветения), одна религия и тесно связанная с их историческими судьбами и культура (Леонтьев, 1993).

В своей работе Константин Леонтьев идеи славянского единства противопоставляет идею национальной самобытности русской цивилизации, основанной на наследии византийской государственности. Он пишет, что византизм – это политическая форма в котором развивается русская государственность (Леонтьев, 1993). Здесь мы видим отличие его взглядов от мнения Николая Данилевского, который вслед за ранними славянофилами ставил во главу племенного начала в русской истории славянский самобытный фактор. Как выразился Леонтьев, «то же самое мы можем наблюдать и в растительных организмах, процессах, органах и в растительной классификации по отделам, по собирательным единицам. Все вначале просто, потом сложно, потом вторично упрощается, сперва уравниваясь и смешиваясь внутренне, а потом еще более упрощаясь отпадением частей и общим разложением, до перехода в неорганическую "Нирвану"» (Леонтьев, 1993).

Сущность государственного устройства он рассматривал в совокупности религиозных и научных мировоззренческих позициях, объясняя это термином «византизм». Рассматривая данный термин, Константин Леонтьев дает ему точное определение: «Византизм есть прежде всего особого рода образованность или культура, имеющая свои отличительные признаки, свои общие, ясные, резкие, понятийные начала и свои определенные в истории последствия. Отвлеченная идея византизма крайне ясна и понятна. Эта общая идея складывается из нескольких частных идей: религиозных, государственных, нравственных, философских и художественных». Что касается славянизма, то Леонтьев представляет его как нечто неопределенное и размытое: «Представляя себе мысленно всеславизм, мы получаем только какое-то аморфическое, стихийное, неорганизованное представление, нечто подобное виду дальних и обширных облаков, из которых по мере приближения их могут образоваться самые разнообразные фигуры». Леонтьев относился к славянам с критикой, так как считал, что славянский тип тянется к западу и был готов предать славянское дело, православие и Россию. Сопереживание к своим прародителям давало ему сугубое моральное право быть к ним зачастую весьма суровым, и особенно к славянам православным: «Если они нам очень близки, если они нам братья, мы должны относиться к ним как к самим себе, с прямоотой и откровенностью. Критика доброжелательности не исключает». Таким образом, по мнению Леонтьева, запад и восток стесняют Россию, Византия же дала России православие и самодержавие, ставшие основой развития Российского государства. Он составляет сущность русизма, благодаря которому мы и выдержали натиск монголо-татар. Благодаря Византизму, православию, идее царской власти была образован единый организм – Русь.

Цивилизационная теория Николая Данилевского оказалась малоизвестна среди европейских мыслителей, и Освальд Шпенглер, создавший свое представление о самобытных культурах, переходящих со временем в стадию цивилизации, что публицистически характеризуется многозначительным термином «закат», стал одним из первых, провозгласившим подобные идеи в общемировом масштабе. Вопреки названию и сложившемуся мнению Освальд Шпенглер не говорит о крахе Запада, а указывает на его переход из состояния культуры в механистическую цивилизацию, что характеризуется военным, техническим и политическим могуществом. Безусловно, как мы сейчас можем видеть, переход от общества, одухотворенного ценностями и верованием в Бога, к развитию технологий сказывается на его жизнеспособности, но собственно книга Шпенглера посвящена другим важным отмеченным на западе тенденциям, не сводящимся в буквальном смысле к закату.

Результаты и обсуждение

Русская культура находится в начале своего пути и ее пророком Шпенглер называет Достоевского. В отношении России Шпенглер говорил, что эпоха Петра Великого выступила по образу праистории грядущей великой культуры сродни Микенской Греции и периоду Каролингов [Шпенглер, 2014]. Выход первой книги «Заката Европы» в 1918 году во многом совпал с поражением, выступавшей за культуру Германии в противовес англо-саксонской цивилизации, и соответственно привел к предвзятому восприятию среди мировой общественности. Другое обстоятельство, что сам Освальд Шпенглер весьма симпатизировал возрождению германского рейха, что дало многим повод считать его вдохновителем германского нацизма, хоть сам автор и не был понят нацистскими властями, но его репутация среди академического сообщества оказалась неоднозначной.

Шпенглер уделяет особое внимание понятия нации и национализма в отрыве от понятий крови и примордиализма. По Шпенглеру нации – это политическое воплощение единств на основе культуры, которые вступают друг с другом в противодействие. Исторический народ называется нацией, а культура – это существование наций в государственной форме: «народы как государства и являются в собственном смысле движущими силами всех человеческих событий. В мире как истории выше их нет ничего. Они и есть судьба» [Шпенглер, 2014]. Национальное государство – высшая форма проявления культуры. С точки зрения Шпенглера уместнее говорить не об эллинах вообще, а о спартанцах, фиванцах, афинянах – всех, у кого есть государственность. При этом для арабской культуры нацией является религиозная община.

Шпенглер очень самовольно трактует мировую историю, предвзято объединяя отдельные исторические события в проявления развития культур. По его мнению, греки и римляне являются выражением одного направления, которое в первом случае заявило о себе культурой, во втором – политическим и военным могуществом на уровне цивилизации.

Своего рода попыткой синтеза формационного и цивилизационного подхода является взгляд Арнольда Тойнби, когда с одной стороны ключевым двигателем к формированию отдельных цивилизаций выступает внешняя среда, к которой общество адаптируется, а с другой не уделяется должное внимание культурной самобытности народа, которые на манер теоретиков формационного подхода воспринимаются не уникальной данностью, а реакцией на воздействия внешней среды. Правда, вопрос об особенностях воздействия культуры и языка, а также религии в теории Тойнби, не получает столь значимого места, как это было у Данилевского, Шпенглера, Леонтьева и других. В отношении России Шпенглер указывает, что облик цивилизации формировался из-за необходимости противостоять внешней агрессии как монгольской, так и европейской. Коммунистический период он воспринимает как время ответного удара по Европе за навязанные ранее ценности [Шпенглер, 2014].

Центральное учение Арнольда Тойнби о цивилизационной концепции основывается на попытке переосмысления общественно-исторического развития посредством процесса постоянно сменяющих друг друга локальных цивилизаций. Свою теорию он изложил в 12-томном исследовании «Изучение истории». Взгляды Тойнби пользовались колоссальной популярностью в XX веке, поскольку он нашел множество интересных обстоятельств в истории, опровергающих исторический материализм Маркса, как например, появление Египетского государства до использования металлических орудий, а с другой – возможность синтеза с цивилизационными концепциями. При этом Тойнби не отвергает идею общемирового исторического прогресса как Данилевский и Шпенглер, что позволило его труду стать

популярным в академической среде.

Изучая российскую цивилизацию, он пишет: «Россия была обращена в христианство не Римом, как, например, Англия, а Константинополем; несмотря на их общие христианские корни, восточноправославное и западное христианство всегда были чужды друг другу, антипатичны и часто враждебны» [Тойнби, 2011].

Евразийцы полагали, что географическое положение в решающей степени определяет историю и культуру народа. Концепция евразийцев заключается в том, что Россия — это континент в континенте. «Представляя собой особую часть света, особый континент, Евразия характеризуется как некоторое замкнутое и типичное целое и с точки зрения климата, и с точки зрения других географических условий... Этим и величиной ее определяются и ее экономические возможности...» [Шитихин, 2010]. Н.С. Трубецкой, один из ярких представителей данного направления, в своей работе «Взгляд на русскую историю не с Запада, а Востока» писал, что государственническое чувство русского народа сформировалось в XIV веке под влиянием Золотой Орды. Такие качества как беспрекословное поклонение государству, веротерпимость и аскетичность стали присущими русским.

Свои рассуждения в русле евразийства Н.С. Трубецкой начинает с непризнания главенствующей роли Киевской Руси как главного государствообразующего фактора современной России. К такому выводу он приходит в результате рассмотрения истории: Н.С. Трубецкой указывает на прямую связь Древнерусского государства с торговым путем и его прикреплению к речной системе, отмечая, что в полной степени Киевская Русь не могла контролировать ее в связи с расположением в области, подконтрольной степным кочевникам [Леонтьев, 1993]. Как только торговый путь начал утрачивать свою значимость в связи с известными историческими событиями, изменилась геополитика государства в направлении поиска новых административных центров среди княжеств: «Всякое государство жизнеспособно лишь тогда, когда может осуществлять те задачи, которые ставит ему географическая природа его территории» - пишет Н.С. Трубецкой.

В учении Николая Трубецкого «Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока» идейная основа заключается в том, что Россию нельзя отнести ни к Востоку, ни к Западу, так как Россия есть государство самостоятельное, полноценное и поступательное, важную роль в становлении которого сыграло влияние монгольского правления: «В исторической перспективе то современное государство, которое можно называть и Россией, и СССР (дело не в названии), есть часть великой монгольской монархии, основанной Чингисханом» (Трубецкой, 1995). Таким образом, в понимании Трубецкого монгольское нашествие со всеми вытекающими последствиями является системообразующим фактором в становлении единого евразийского государства. «Эти новообращенные татары, вливаясь в русский правящий класс, «...» сделались одной из надежнейших опор зарождающейся русской государственности, а в то же время, принося с собой традиции и навыки монгольской государственности, персонально закрепляли преемственную связь между монгольской и русской государственностью» - отмечает роль абсолютных качеств кочевников, служителей Чингисхана, в становлении русской государственности.

Для Чингисхана не имел определяющее значение течение религии: будучи сторонником шаманизма, довольно примитивной и бесформенной религии, не способной конкурировать с другими, первостепенную важность для него представлял сам факт исповедования, свидетельствовавший о понимании подчинения некому высшему абсолютному существу, связывая это с чувством долга перед тем, в чьих небесных руках он находится. По этой причине

монгольское признание получали все виды религиозных течений.

Русское государство впоследствии вобрало в себя принцип веротерпимости: «Религии эти не преследовались, не оскорблялись, но в то же время принимались меры к тому, чтобы голос православных проповедников доходил до слуха "ходящих во тьме по неведению"». (Савицкий, 1997). Однако главным отличием Московского государства, которое во многом и привело к его расцвету, является православие как объединяющее мировоззрение. Для русских людей не существовал институт религии как нечто обособленное от их повседневной жизни, напротив, церковь, являясь институтом формирования общественных ценностей, способствовала единению христиан: «Именно сила горения русского религиозно-национального чувства переплавляла северо-западный улус монгольской монархии в Московское царство, в котором монгольский хан оказался замененным православным русским царем». Николай Трубецкой отмечал: «Быть православным значило не только исповедовать определенные догматы и исполнять нравственные предписания церкви, «...», но и вкушать в определенные дни установленную постную или скоромную пищу, носить платье определенного покроя и т.д. В этом общем быту выделялось нечто общее между всем русским народом, что усиливало чувство единства и уникальной идентичности: «Вера входила в быт, быт – в веру, оба сливались воедино, в целостную систему "бытового исповедничества"» [Трубецкой, 1995].

Исходя из учения Николая Трубецкого, мы можем выделить и такую тенденцию как аскетичность. Религиозные постулаты способствовали тому, что жизнь людей, независимо от их общественного положения, сводилась к исполнению религиозного обета. Здесь важнейшим институтом и была Церковь, которая, будучи самостоятельной от монгольского влияния, способствовала религиозному воздействию на людей. Размышления князя Николая Трубецкого были направлены на анализ связи религиозного проповедования и государственности: «Органическую часть этого бытового исповедничества составляла и государственная идеология, которая, как все в русской жизни, была неотделима от религиозного мирозерцания».

В труде «От Руси до России» Лев Гумилев также отмечал и описывал воздействие Золотой Орды на государствообразующий фактор российского государства и на формирование государственнического чувства русского народа, выражавшегося в почитании государства в XIV веке. Гумилев придерживается той позиции, что монгольское нашествие не является свирепым и беспощадным завоеванием, как это позиционируют в историографии. Жестокость монголов во многом преувеличена и вырвана из контекстов других, не менее кровавых и жестоких событий, с исторической стороны монголы вели себя также, как и другие этносы. Позиция относительно идейно-мировоззренческого поля у Гумилева склонялась к евразийству, в которое он смог внести некоторые концептуально новые идеи, став фактически последним представителем данного течения.

Особенностью в исследованиях Гумилева является изучение природных географических и климатических факторов как государствообразующих: развитие этноса он связывает с большими природными циклическими колебаниями, описывая процесс Великого переселения народа с точки зрения пассионарного толчка. Пассионарность Гумилев трактует как биохимическую энергию живого вещества биосферы, определяющую способность и стремление к изменению окружения, или, переводя на язык физики к нарушению инерции агрегатного состояния среды [Гумилев, 2016]. Согласно этой теории, каждая культура или народ имеет свою собственную пассионарность, которая через определенные фазы может выражаться в миграциях, политических и социальных движениях.

Гумилев начинает свою книгу с исследования Великого переселения народов и истоков русского этноса на основе собственной теории. Он обращается к историческим и археологическим источникам, чтобы показать, каким образом славянские племена постепенно сформировались в русский народ. У каждого народа был свой способ ведения хозяйства и поддержания жизни. Основным рассматриваемым фактором в связи с хозяйственной деятельностью являются географические особенности территорий. Лев Гумилев обращает внимание на значимость географических условий в процессе формирования культуры и образа жизни русских народов. Рассматривая идеологическую почву древнерусского государства, Гумилев отмечает, что у этой проблемы был и международный аспект, обусловленный постоянными суперэтническими контактами. Выбор веры как важнейший идеологический, способствующий объединению фактор, имел значимое военно-политическое следствие, так как Русь обрела сильного союзника в лице Византии и объединила народы под единой идеологической основой. «Крещение дало нашим предкам высшую свободу — свободу выбора между Добром и Злом, а победа православия подарила Руси тысячелетнюю историю», подытоживает Гумилев цивилизационный масштаб выбора православного вероисповедания, который стал опорной точкой для формирования славянской цивилизации (Гумилев, 2015). Затем ученый анализирует процесс объединения русских земель под властью князей Киевской Руси и называет этот исторический этап новой фазой этногенеза — обскурацией, то есть значительного увеличения числа субпассионариев и переходом в «век трагической гибели» для Руси.

Именно в XVIII веке усложняется процесс этногенеза в связи с монгольским фактором. В этой области Лев Николаевич особенно выделяет способности Александра Невского, который пренебрег догматикой и заключил союз с Батыею: «Заложенные князем традиции союза с народами Азии, основанные на национальной и религиозной терпимости, вплоть до XIX столетия привлекали к России народы, жившие на сопредельных территориях». Гумилев как представитель евразийства рассматривал монгольское нашествие как положительную историю для Руси, так как их завоевания начались в период кризиса пассионарности, связанного с феодальной раздробленностью. Благодаря мудрой политике Невского в области военного сотрудничества с монголами, на западе удалось избежать глобального военного влияния крестоносцев на православных славян. Однако, пассионарный кризис существовал что до монголов, что во время их завоевания, однако именно монголы позволили Руси развиваться по своему пути без особого вмешательства в этногенез, при этом не допуская силу в лице запада также оказывать влияния на данный процесс. В XIV веке Орда перешла в новую фазу этногенеза — акматическую, затраты на усилия переходы привели к потере доминанты и переходу к Исламу.

Гумилев выделяет две отправных точки начала формирования славянской цивилизации — принятие христианства: «Добро и мудрость христианства в 988 г. сразились с Перуном и стремлением к наживе — действительным богом рахдонитов. Крещение дало нашим предкам высшую свободу — свободу выбора между Добром и Злом, а победа православия подарила Руси тысячелетнюю историю» и монгольское нашествие, в результате которого был сформирован славяно-монгольский суперэтнос (Гумилев, 2015). Представления Гумилева о том, что на самом деле не было татаро-монгольского ига и все события завоевания не более чем ответная реакция на действия Ливонского ордена в Прибалтике. В то время, как целью крестоносцев было завоевание территории и уничтожение православия, орда после первого нападения ушла в степь и не только проявила терпимость к православным, но дала обещание о неприкосновенности православной веры, храмов и церковного имущества, подвергаются обширной критике в

научной среде. Однако если рассмотреть цивилизационный подход в концепции евразийства Гумилева по вопросу монгольского влияния на российскую цивилизацию, то можем сделать следующие вывод: «Союз с Ордой – не иго Орды, а военный союз с нею – предопределил особый путь Руси», таким образом Л.И. Гумилев отмечает, что союз с Ордой помог сохранить «золотой пояс» древних городов вокруг Москвы и основы русской культуры, в то время, как при западной экспансии от славянской цивилизации ни осталось и следа, приводя в аналогию историю с Ливонскими завоеваниями и католичеством, которые в конечном счете потеряли свой облик, поэтому татарско-монгольское нашествие нанесло не вред Руси, а было защитным механизмом, который сдерживал западный натиск.

Заключение

На основании рассмотрения представленных теорий представляется уместным сделать вывод, что синтез подходов Н.Я. Данилевского, К.Н. Леонтьева и евразийцев представляется наиболее интересной версией, позволяющей объяснить уникальные черты русской государственности. Одним из качеств, отличающих русских от иных православных и славянских народов является сильное государственно-чувственное чувство. С точки зрения евразийцев это качество стало присуще России со времен собирания русских земель вокруг московского княжества при Иване Калите, впервые получившем право собирать самостоятельно дань и передавать их Орде. С этого момента формируется новое государство Россия, которое по мнению Л.Н. Гумилева уместно воспринимать отдельно от Руси, с которой Россию связывала лишь общая культура. Последующие события приводят к формированию на месте русских княжеств принципиально нового государственного объединения, ориентирующегося на сильную державную власть.

Рассматривая подход К.Н. Леонтьева, необходимо указать на верность трактовки православия как одного из определяющих черт русского мировоззрения, правда, необъяснимым остается вопрос, почему именно русский народ воспринял идеи византизма, а не те же самые греки. Православие оказалось благодатной почвой для восприятия идей власти, идущей от Бога, в отношении которой личность выражает почтение. Слабые аристократические и даже семейные чувства русских согласно К.Н. Леонтьеву получают выраженность в сильном державном начале.

Обращаясь к разработкам первооткрывателя цивилизационного подхода Н.Я. Данилевского, важно признать, что язык действительно оказывается началом культуры народов, и в отношении славянских этносов уместно говорить о неких сродных качествах. Правда, общность качеств славянских народов вторична перед религиозными, политическими и историческими обстоятельствами, выработавшими у них отличительные пристрастия в отношении политических институтов и нравственных ориентиров.

Библиография

1. Борзова Е.П., Лебедев С.П., Исаченко Е.С. Русский характер, православный культурный код и менталитет российского народа // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2021.
2. Вельм И.М. Общее и особенное в национальной культуре // Ежегодник финно-угорских исследований. 2016. № 1. С. 174-179.
3. Гумилев Л.Н. От Руси до России. Очерки этнической истории. Под ред. Е.М. Гончарова. М.: Айрис-Пресс, 2015.
4. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Сост. и коммент. Ю.А. Белова, отв. ред. О. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2008. 816 с.

5. Л.Н. Гумилев *Passionarium*. Теория пассионарности и этногенеза М.: АСТ, 2016. 978 с.
6. Леонтьев К.Н. Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. СПб., 2000-2007. 640 с.
7. Леонтьев К.Н., Византизм и Славянство. Избр. М.: Рарогъ; Московский рабочий, 1993.
8. Савицкий, П. Евразийство как исторический замысел // Континент Евразия. М., 1997.
9. Тойнби А.Дж. Цивилизация перед судом истории. Мир и Запад: пер. с англ. М.: АСТ: Астрель; Владимир: ВКТ, 2011. 318 с.
10. Трубецкой Н. С. Наследие Чингисхана. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока // История. Культура. Язык. М.: Прогресс, 1995.
11. Шевченко В.Н. Н.Я. Данилевский о геополитических отношениях России и Запада в контексте современной ситуации в стране и мире (к 200-летию со дня рождения) // Проблемы цивилизационного развития. 2023. Т. 5. № 1. С. 114-130.
12. Шитихин П.П. Общее и особенное в национальной культуре // Взгляды евразийцев и Л.Н. Гумилева на особенности цивилизационного развития России. 2009. № 7. С. 145-148.
13. Шпенглер О. Закат западного мира. М.: Альфа-Книга, 2014. 1085 с.

“Russian Civilization” in the Context of the Civilizational Approach: Uniqueness and Differences in World History

Vladimir V. Blinov

PhD in Political Sciences, Associate Professor,
Department of Political Science,
Financial University under the Government of the Russian Federation,
125993, 49, Leningradsky Prospect, Moscow, Russian Federation;
e-mail: vvblinov@fa.ru

Abstract

The civilizational approach offers a perception of world history not as a linear progression where all peoples pass through common stages of development, but rather emphasizes the unique features of individual civilizations, often denying the universal course of history and progress as such. Various researchers identify groups of civilizations based on linguistic, historical, religious, and cultural proximity of different peoples. In this regard, the question of whether it is appropriate to speak of a Russian civilization with significant differences from other Slavic and Orthodox peoples is of particular interest. This paper examines the views of individual representatives of the civilizational approach who highlight the unique features of Russian civilization, synthesizing their perspectives. In conclusion, it is shown that language is the foundation of the culture of peoples, and in relation to Slavic ethnic groups, it is appropriate to speak of certain inherent qualities. The common qualities of Slavic peoples are secondary to religious, political, and historical circumstances, which have shaped their distinctive preferences regarding political institutions and moral guidelines.

For citation

Blinov V.V. (2024) «Russkaya tsivilizatsiya» v kontekste tsivilizatsionnogo podkhoda: unikalnost i otlichiya v obshchemirovoy istorii [“Russian Civilization” in the Context of the Civilizational Approach: Uniqueness and Differences in World History]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 13 (12A), pp. 60-70.

Keywords

Statehood, national identity, civilizational approach.

References

1. Borzova, E. P., Lebedev, S. P., & Isachenko, E. S. (2021). Russkii kharakter, pravoslavnyi kulturnyi kod i mentalitet rossiiskogo naroda [Russian character, Orthodox cultural code, and mentality of the Russian people]. Vestnik Russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii.
2. Velm, I. M. (2016). Obshchee i osobennoe v natsionalnoi kulture [General and specific in national culture]. Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy, 1, 174-179.
3. Gumilev, L. N. (2015). Ot Rusi do Rossii. Ocherki etnicheskoi istorii [From Rus' to Russia: Essays on ethnic history]. (E. M. Goncharov, Ed.). Moscow: Iris-Press.
4. Danilevskii, N. Ya. (2008). Rossiya i Evropa [Russia and Europe]. (Yu. A. Belov, Comp. & Comment.; O. Platonov, Ed.). Moscow: Institut russkoi tsivilizatsii.
5. Gumilev, L. N. (2016). Passionarium. Teoriya passionarnosti i etnogeneza [Passionarium: The theory of passionarity and ethnogenesis]. Moscow: AST.
6. Leontiev, K. N. (2000-2007). Polnoe sobranie sochinenii i pisem: V 12 tomakh [Complete works and letters: In 12 volumes]. St. Petersburg.
7. Leontiev, K. N. (1993). Vizantizm i Slavianstvo [Byzantism and Slavdom]. Moscow: Rarog; Moskovskii rabochii.
8. Savitskii, P. (1997). Evraziistvo kak istoricheskii zamysel [Eurasianism as a historical design]. In Kontinent Evraziya [Continent Eurasia]. Moscow.
9. Toynbee, A. J. (2011). Tsivilizatsiya pered sudom istorii. Mir i Zapad [Civilization on trial. The world and the West]. Moscow: AST; Astrel; Vladimir: VKT.
10. Trubetskoi, N. S. (1995). Nasledie Chingiskhana. Vzgl'yad na russkuyu istoriyu ne s Zapada, a s Vostoka [The legacy of Genghis Khan: A view of Russian history not from the West, but from the East]. In Istoriya. Kultura. Yazyk [History. Culture. Language]. Moscow: Progress.
11. Shevchenko, V. N. (2023). N. Ya. Danilevskii o geopoliticheskikh otnosheniyakh Rossii i Zapada v kontekste sovremennoi situatsii v strane i mire (k 200-letiyu so dnya rozhdeniya) [N. Ya. Danilevsky on the geopolitical relations between Russia and the West in the context of the current situation in the country and the world (on the 200th anniversary of his birth)]. Problemy tsivilizatsionnogo razvitiya, 5(1), 114-130.
12. Shitikhin, P. P. (2009). Obshchee i osobennoe v natsionalnoi kulture [General and specific in national culture]. Vzgl'yady evraziitsev i L. N. Gumileva na osobennosti tsivilizatsionnogo razvitiya Rossii, 7, 145-148.
13. Spengler, O. (2014). Zakat zapadnogo mira [The decline of the West]. Moscow: Alfa-Kniga.